

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Поисках
ЕДИНСТВЕННОЙ

Валентина Кострова

В поисках единственной

«Автор»

2023

Кострова В.

В поисках единственной / В. Кострова — «Автор», 2023

Чтобы занять свое место под солнцем, нужно быть трудолюбивым и целеустремленным, реализуя свои карьерные амбиции. Чтобы быть счастливым в личной жизни, нужно отдавать себя без остатка, веря, что любовь навсегда. Однако, не всегда все идет по плану. И в карьере может быть развилка, вынуждая выбирать, и в личной жизни бывает нужно отпустить человека, чтобы позже встретить предназначенную тебе Судьбой половинку.

© Кострова В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1 часть. Все в жизни только начинается	5
1 глава	5
2 глава	13
3 глава	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Валентина Кострова

В поисках единственной

1 часть. Все в жизни только начинается

1 глава

Солнце вставало, отбрасывая тени вперед. Москва даже в такой час не спала. Но утренняя прохлада заставляла передергивать плечами. По набережной вдоль Москвы-реки шли молча. Я шел впереди, но внезапно запрыгнул на скамейку и повернулся к двоим: Наташе и Борису.

– Дорогие мои друзья! Мы с вами прошли великий путь от совместной песочницы до получения диплома! – с широкой улыбкой провозгласил, приподнимая полупустую бутылку шампанского и стаканчик.

– Ну, про песочницу ты загнул! – решил поправить Борис, щурясь сквозь очки.

– Борис, хоть не умничай сейчас! – я в шутовском возмущении сдвинул брови. – Мы теперь свободны! – повернулся в сторону реки. – И через несколько лет о нас будет говорить не только этот город, но и многие другие!

– И каким образом ты это планируешь сделать, учитывая, что у тебя в кармане красный диплом, куча амбиций и ни гроша?! – подала голос Наташа, приподняв тонкую бровь.

– Это ты верно подметила, моя подружка! Именно мои амбиции и будут движущим фактором нашего восхождения на Олимп! – спрыгнул, подошел к друзьям, разлил остатки шампанского и выкинул бутылку в мусорку.

– Дим, – Борис неуверенно посмотрел на меня, кидая таинственные взгляды на подругу, та его мимикой подталкивала к разговору. – Понимаешь, мы тут подумали с Наташей...

– Решили пожениться? – перебил, переводя с парочки веселые глаза.

– Дурак! – Наташа ударила по плечу, я расхохотался.

– Нет, давай вот здесь и сейчас решим, что каждый пойдет своей дорогой! Типа в самостоятельное плавание. – Борис, застыв в ожидании, ждал реакции. На миг посерьезнел, покрутил стаканчик. – Понимаешь, ты всегда был тепловозом, тянул нас за собой, не интересуясь мнением... Хотя ничего плохого не случилось.

– Я понял вас. Каждый идет своей дорогой, – улыбнулся, Наташа с Борисом удивленно переглянулись, не ожидая такой спокойной реакции. – Набьете шишки, потом прибежите к папочке! – мы рассмеялись, протянули стаканчики, чокнулись.

– При условии, что ты самый младший из нас! – Наташа отпила, и хитро улыбнулась. – А у меня новость!

– Так, я смотрю, у нас прямо утро признаний и откровений, – достал сигарету из брюк и закурил.

– Я выхожу замуж! – девушка протянула нам, изумленным, руку.

На пальце поблескивало скромное золотое колечко. Борис порывисто обнял Наташу, я не спешил, выпуская дым.

– Ты хочешь сказать, за Виталика? – взгляд сразу потяжелел. Наташа предупреждающе приподняла указательный палец.

– Ни слова! Я его люблю, мы поженимся, даже не смотря на твое негативное к нему отношение. Понял?

– Правда, Дим, порадовался бы просто, – Борис с укором смотрел на меня. – Ты в курсе, что у вас взаимная «любовь»?

– Если он что-то сделает не так, я его убью, – затушил сигарету, подошел к девушке и обнял. – Ты слышишь меня?

– Все будет хорошо! – Наташа обняла за талию. Борис обнял сверху. Так и стояли, улыбаясь друг другу, бросая смеющиеся взгляды. А солнце уже сменило свое положение, предвещая довольно жаркий день.

Провел ладонью по гладко выбритому подбородку, взлохматил шевелюру, подмигнул своему отражению и вышел из ванны. Из кухни доносились аппетитные запахи. Мать хлопотала возле плиты. На столе уже стояла кружка кофе и горячие блинчики.

– Мам, опять ты с утра меня закармливаешь, – недовольно пробурчал, садясь на стул возле окна. Рука, несмотря на протест, потянулась к блинам с вареньем. Ладно, хоть сахара в чашке нет. – У меня от такого питания все кубики пресса пропадут!

– Кому сдались твои кубики? А завтракать надо плотно, не зря есть пословица.

– Я в курсе, не надо мне каждый раз ее цитировать, как только появляюсь на кухне. А кубики нравятся девочкам, – запихав блин в рот, приподнял футболку, дабы убедиться, что они еще на месте. Хлопнула входная дверь. Через минуту появилось довольное жизнью лицо брата.

– О, как вовремя! Прямо чувствовал, что надо заскочить, – он бесцеремонно забрал у меня кружку. Я даже рот не успел открыть для возмущения, мать вернула мне кофе, ему поставила чашку чая.

– Как прошла смена? – перед братом появилась тарелка уже с омлетом. В отличие от меня, Олег любил поесть, его рельефный пресс интересовал в последнюю очередь.

– Относительно спокойно, бытовые ранения да плановые операции, – его зеленые глаза усмехались, глядя на меня. – Рассказать подробности?

– Давай без них, – с отвращением передернул плечами. Олег издевательски улыбнулся, зная мое омерзение к медицине.

– А ты наше великовозрастное дитя, когда планируешь потрудиться на благо общества? Мам, надо было его в мед тоже запихнуть, хоть был бы толк, а то архитектор!!! Архитектор!!! Кому они нужны? – разглагольствовал брат с набитым ртом. – Так хоть отец пристроил сынка на не пыльную работенку. Ну, на край мог бы послушать мать и пойти в инженеры. Некоторые из них тоже чертят, если ты жить не можешь без чертежной доски!

– Давай не будем трогать профессию друг друга, дабы не поссориться, – со злостью процедил, сжимая зубы, утыкаясь в чашку.

– Злиться бессмысленно! Ты реально должен понимать, куда со своим дипломом сунешься, будь он трижды красным! Думаешь, твои рисуночки имеют цену? Ну, если только для эстетического удовольствия, но ими сыт не будешь! – учил Олег со знающим видом.

Раздраженно встал из-за стола, покинул кухню. Слышал за спиной, как мать что-то прошептала брату, а тот неразборчиво промычал в ответ. Меня раздирало бешенство. В комнате, которую когда-то делил с братом, подошел к шведской стенке, где висела боксерская груша, и со всей силы ударил кулаком по ней. Можно было снизить планку запросов и устроиться в какое-то архитектурное бюро. Сидеть в кабинете. И скучать. Каждый день заставлять себя ходить на эту ненавистную работу. Не для этого я учился пять лет. Не такая цель у меня была. Умом понимал правдивость слов. Мои любительские проекты не представляют ценности. Сейчас. Но лет через десять-двадцать меня будут знать. Не только в России.

Улыбнувшись своим глобальным мыслям, достал из ящика сигареты, залез на подоконник, открыв окно. Прикурил. Выпуская дым, задумчиво вертел сигарету, строя свои наполеоновские планы.

Настроение зашкаливало. Хотелось петь и танцевать. Последнее я иногда проделывал, пока торопился на встречу. В конце аллеи увидел Бориса и Наташку. Я побежал как в школьные

времена, швырнул пиджак на скамейку и сгреб в охапку подругу, закружил, потом поставил на ноги и, напевая мелодию вальса, повел в танце. Она изумленно на меня смотрела, смущенно улыбаясь.

– Что-то ты больно довольный! – заметил Борис, стоя в сторонке, нахмурившись.

Покружив девушку вокруг своей оси, держа за руку, я остановился, обнимая ее за талию.

– У нас шампанское есть?

– У нас есть повод праздновать? – поинтересовалась Наташа, вскидывая на меня ореховые глаза.

– А как же! Я уверен, что, стоя друг перед другом, каждый расскажет, с чего начинается карьерный рост!

– Ну, я у мамы под крылышком, тепло и уютно, куда мне со своим художественным образованием, разве что в школу.

– Ну, тебе переживать и не надо, у тебя без пяти минут будет муж, который обеспечит тебя! – поддел Наташку, она насупилась.

Не могу пока смириться с ее выбором. Может, позже, лет через двадцать пять, на серебряной свадьбе, я признаю его. Но не сегодня. В ожидании перевел взгляд на Бориса. Он смотрел на меня с вызовом, даже с превосходством, но это меня не смутило, я продолжал улыбаться. В любом случае я был за него рад, если устроился туда, куда хотел или посчастливилось.

– В БТИ нашего округа, – и ждал моей реакции. Я присвистнул.

Серьезное дело, учитывая, что мы оба без опыта. И при условии, что Борис не так воодушевленно относился к профессии, как я.

– Горжусь тобой! – подошел к нему, обнял и похлопал по спине. Молодец! Даже закрою глаза на то, что некоторые курсовые делал за него.

– А ты? – нетерпеливо спросила Наташка. Я отошел от них на шаг, уже не в силах скрывать своего торжества, щелкнул пальцами.

– Перед вами будущий главный архитектор города Москвы! А пока всего лишь его скромный помощник!

– Что?! – воскликнули одновременно Борис и Наташа. На их лицах застыло изумление.

– Я сам не знаю, как все получилось! Отец тут сжалился надо мной, посодействовал в одном собеседовании, а там женщина изначально была настроена скептически, перебирала мои документы, я забыл вытащить свои наброски, а она над ними замерла, быстренько куда-то позвонила, дала листок с адресом и выпроводила. Стою такой в шоке, думаю, чем черт не шутит, пойду по адресу, все равно делать нечего. Каково мое удивление было, когда это оказался департамент градостроительства. Пытаюсь найти какого-то Ивана Павловича, а там суета, всем не до меня. Тут девушка спросила, не я ли архитектор. Я ляпнул, что да – это я. Она меня под рученьки и куда-то повела. Приводит в кабинет. Там дебаты. Я почувствовал, что вот он, мой звездный час. Сейчас или никогда. Меня аж трясло от возбуждения. Самое смешное было после – заходит тот самый архитектор, и все с удивлением смотрят на меня. И главный, Петр Иванович, спрашивает меня, мол, ты кто такой. Пришлось рассказать, как попал, зачем пришел. Он попросил меня подождать у него в приемной. Через час я вышел оттуда самым счастливым человеком на свете. Это мой лотерейный билет!!!

– Димка!!! Ты везунчик! – Наташка подбежала и повисла на шее. Я ее вновь закружил, мы хохотали, как сумасшедшие.

– Борька! – махнул рукой застывшему другу, приглашая его присоединиться к нашему веселью. Он неуверенно улыбнулся, сделал пару шагов и замер. Обернулся, улыбка сползла с моего лица. Борис был сам не свой. Какой-то напряженный, даже сквозь очки была видна неприязнь и тихая ненависть. Ко мне.

Я нагнулся к Наташке.

– Иди, погуляй немного, купи позже мороженое, – прошептал ей на ушко. Она с пониманием посмотрела, кивнула и убежала. Засунув руки в карманы брюк, подошел к Борису, прищурив глаза.

– Ты ничего не скажешь?

В его глазах застыла боль, смешанная с завистью, которую невозможно было подавить. Никогда не думал, что он мне завидовал. Мы слишком долго дружим. С первого класса. Всегда сидели друг перед другом. Он спереди, я сзади. Наташка каждый год по-разному: то со мной, то с ним. Учителя не решались нас рассадить по разным концам, ибо тогда по классу летали самолеты с записками. Наташке все девчонки класса завидовали – не у каждой был выбор из мальчиков, что несли до дома ее портфель. Именно с Борькой мы первый раз попробовали сигареты. Ему не понравилось, а я начал курить. Из-за него я дрался со старшеклассниками, когда те его дразнили «очкариком», «занудой», «ботаником», постоянно задевали, цеплялись к нему. Мой любимый отличник не умел и не хотел махать кулаками. Поэтому в кабинете директора мое появление со временем никого не удивляло, родителей к девятому классу перестали вызывать, понимая бесполезность. В школе я числился хулиганом, Борис – золотым медалистом, Наташа – красивой девушкой, которой один помогал с домашним заданием, другой не давал никому в обиду. Мы всегда были втроем, даже в кружки ходили вместе, в художественную школу пошли под влиянием Наташи. Кто бы мог подумать, что мне это понравится, и я увлекусь графикой?

– Поздравляю, – просипел Борис, опуская глаза в землю.

– Завидовать нечему!

– Это как посмотреть! – запальчиво воскликнул друг и смутился, отвернувшись. Наверное, в свое время я совершил ошибку: уговорил его поступать со мной в одном направлении. Он рисовал неплохо, но ему ближе была математика.

– Послушай, я не хочу, чтобы в этот день завершилась наша дружба! – тихо произнес, подходя к нему ближе. Мне хотелось его обнять.

– Ты бы смог перешагнуть? – он посмотрел мне в глаза. Страх. Надежда. И самоедство – вот что его съедало изнутри.

– Смог. Я радуюсь каждой твоей победе, словно это моя победа. И сейчас мне больно, потому что тебе больно. Никогда у меня в голове не возникало мысли тебе позавидовать. Возможно, я был не прав, когда потянул тебя за собой, – сглотнул. Было непросто подобрать нужные слова, чтобы он понял, как меня ранит его отношение. Борис резко обнял, уткнувшись в плечо.

– Прости, – прошептал он, сжимая чуть ли не до хруста костей. Обнял в ответ, похлопал по спине.

– Мне трудно дышать, и в планах нет лежать с переломанными ребрами, – прошептал я, стиснув зубы. Борька рассмеялся, отпустил.

– Эй! – недовольно раздался голос Наташи за спиной. – И долго мне тут стоять с растаявшим мороженым?

– А ты радуйся, с твоих рук будут есть два очень привлекательных парня, – взял протянутый пломбир. – Мы будем получше вариантом, чем твой Виталик!

– Дима! – она улыбалась, но мы перекрестились взглядами, я приподнял бровь. – Сколько можно уже!

– Ну не нравится он мне, хоть ты тресни! Но это твой выбор. Мне с ним детей не крестить!

– Ошибаешься, друг мой, ты будешь первым вариантом в крестные отцы!

– Боже упаси, надеюсь, это случится не в первые три года!

– Боря! – Наташка повернулась к молчаливому Борису, который, как обычно, выбирал позицию дипломата, наблюдал и молчал.

– Смирись, – спокойно ответил. – Он своего мнения не изменит.

– Ну а ты тоже на его стороне?

– Я? – брови взлетели, глаза сквозь очки округлились, словно не ожидал, что кого-то интересует его мнение. – Мне главное, чтобы ты была счастлива! А кто причиной этого является, как-то все равно.

– Вот! – она повернулась ко мне с торжеством. – Учись дипломатии, Дмитрий Александрович!

– Если увижу, услышу, что его поведение не соответствует моему представлению, прости, но врежу и глазом не моргну, – поднес мороженое к губам, не спуская колючего взгляда с Наташи. Она задумалась, окинув быстрым взглядом.

– Да поможет Виталику Бог, – священническим голосом вставил Борис, оставалось только произнести: «Аминь» и перекреститься.

Поднес сигарету, затянулся. Еще было светло, хотя время перевалило за десять вечера. Рядом раздавался хохот, гремела музыка.

– А чего такой красавчик стоит в гордом одиночестве? – раздался рядом девичий голос. Выпуская дым, скосил глаза на подошедшую девушку. Мы с ней весь день переглядывались, но познакомиться не представлялось возможным. И вот, под конец этого безумного дня, она подошла ко мне.

– Дмитрий.

– Лена, – ее карие глаза оценивающе медленно заскользили по мне, было ощущение, что рассматривали под микроскопом. – А ты кем приходишься Наташе?

– Любовником, – с ехидством наблюдал, как ее глаза округлились, рот приоткрылся. Из кафе вышел Виталик, осмотрел всех и напрямиком направился к нам.

– Сигаретки не найдется? – его хмельные глаза смотрели с вызовом. Руки чесались врезать ему, но повода не было, поэтому достал пачку и протянул. Он не спешил брать. – А че, в падлу вытянуть одну?

– А у тебя рук нет, что ли? – я усмехнулся, Виталик прищурил глаза.

– Я не пойму, чего ты так ко мне относишься?

– А тебе не надо понимать, – пренебрежительно похлопал его по груди, хотел уйти, но он схватил меня за руку, больно сжав. Оскалившись, зло сощурился, прошипел: – Руку отпусти.

– А то что? – Виталик провоцировал меня. Лена испуганно отошла от нас, потом убежала. Сколько мы так стояли, угрожающе смотря друг на друга, не знаю, но рядом появился встревоженный Борис, следом явилась Наташа с Леной.

– Дима! – гневно воскликнула Наташа. Я перехватил руку Виталика, сжал со всей силы его ладонь, мило улыбаясь. Он скривился.

– Что? – невинно посмотрел на подругу. – Мы разговариваем, видишь, – начал трясти руку, – даже жму товарищу руку! От всей души поздравляю! Ему так сказочно повезло! – резко притянул его к себе, обнял, прошептал на ухо: – Улыбайся!

– Да пошел ты! – Виталик меня оттолкнул, я расхохотался. Продолжая улыбаться, игнорируя разъяренные взгляды Наташи, подошел к Лене, обнял девушку за плечи.

– А пойдем потанцуем! – она кивнула, мы с ней направились в кафе, но я спиной ощущал на себе взгляды трех пар глаз, каждый смотрел по-своему.

– Ты реально бывший? – карие глаза с интересом смотрели на меня. – Я первый раз вижу такое, чтобы на свадьбе присутствовали бывшие. Неудивительно, что Виталик в бешенстве. Наверное, только благодаря твоей выдержке между вами не завязалась драка.

– А ты ему кем приходишься?

– Седьмая вода на киселе, но его мать хорошо общается со всеми родственниками, поэтому тут почти все с его стороны.

– Ты довольно милая, в отличие от своего родственника, – заметил я, прижимая ее к себе ближе. Лена засмеялась, охотно прильнула к груди. Ее губы были непозволительно близки. И меня к ней влекло. – Что если я тебя поцелую?

– Я тебе отвечу, – и она с готовностью самостоятельно прильнула к губам, обвивая руками шею. Ее губы были горячими, умело скользнула языком ко мне в рот, торопливо обведя контуры губ. И было все равно, что вокруг нас танцевали люди, кто-то даже прокомментировал наше поведение, типа не за горами еще свадьба.

Под смешки, ухмылки гостей мы вернулись за стол, держась за руки. Мне показалось, что на лице Наташи мелькнуло облегчение, когда я перестал прожигать ее тяжелым взглядом, и так с самого утра был на грани, чтобы не сорвать свадьбу, не устроить скандал. У меня была мысль ее похитить, лишь бы не дать выйти замуж за Виталика.

– Знаешь... – карие глаза томно блеснули, рука поглаживала мое бедро. Она облизнула губы.

Я усмехнулся, поняв намек. Выпив рюмку водки, потянул ее прочь. Мы оказались в каком-то подсобном помещении между залом, где проходило застолье, и коридором. Прижав Лену к стене, жадно ее поцеловал, руки заскользили по ногам, приподнимая подол платья. Она была в чулках, что заводило еще больше. Ее тело по-кошачьи льнуло к рукам, требуя ласки и больше внимания.

– Тсс, – отстранился, перехватил ее руки возле ремня, тяжело дыша. – У меня нет презерватива, – сожаление сквозило в каждом слове, а тело отказывалось воспринимать голос разума на тему предохранения.

– У меня есть, – она извлекла из своей маленькой сумочки, которая висела на плече, упаковку в фольге. Я удивленно вскинул брови.

– У тебя они всегда?

– Всегда, – ее губы изогнулись в чувственной улыбке, глаза потемнели, стали вообще черными.

Медленно протянул руку, забрал презерватив, нагибаясь для поцелуя. Девушка податливо подставила свои губы, обхватывая мою шею руками. Ее пальцы погрузились в мои волосы. Приподняв вновь подол платья, подцепил края трусиков. Опустился на колени, стаскивая маленькую деталь с длинных ног. Над головой часто и глубоко задышали. Выпрямившись, ощутил ее руки на груди, торопливо расстегивала рубашку. От мысли, что за тонкой дверью ходят люди, которые могли застукать нас в любой момент, кровь по венам бежала быстрее. Я не особо разводил церемонии прелюдии, от меня их в принципе не ждали. Повернул девушку лицом к стене, ловко расстегнул ремень одной рукой, другую поднес ко рту и зубами надорвал упаковку презерватива. Лена, оказывается, умела получать удовольствие и в сжатые сроки времени. У нее была упругая аппетитная задница, которая охотно выпячивалась назад, ища удобное положение. Она не стеснялась в страсти своих вздохов, ее не смущало, что нас могут услышать, ее легко было довести до оргазма. Такой раскованной партнерши у меня никогда не было. Поэтому секс вышел фееричным, ярким и быстрым.

– Может, еще встретимся? – спросил, заинтересованно на нее смотря, заправляя рубашку. Лена встряхнула своими черными волосами, губы ее дрогнули в подобие улыбки.

– Может быть, – она подошла ко мне вплотную, провела пальцем по подбородку и вышла. Не было никаких обещаний, просьб, просто взаимовыгодное удовольствие.

Покачал головой, вышел на улицу.

– Ты выглядишь довольным, – Наташа подошла сзади, я обернулся, прикурив сигарету. Мы были на улице одни, вернее, из гостей со свадьбы, мимо проходящих прохожих не считал. Прищурился. – Эта черненькая девушка стала причиной твоего благосклонного настроения?

– Все может быть.

– Слава богу, хоть кто-то отвел грозовые тучи. Я уже, грешным делом, думала, что ты полезешь драться с Виталиком.

– А что, есть повод?

– Нет, что ты! Я счастлива! – она улыбнулась.

Я отвел глаза, скрепя сердце мысленно согласился, что Наташка в белом платье выглядела невообразимо прекрасно, а влюбленные глаза сияли, как звезды над головой. Это радовало и злило одновременно, потому что Виталик не вызывал у меня никакого доверия. Я интуитивно чувствовал, что это не тот человек для моей любимой подружки. Но с влюбленными бесполезно спорить. Поэтому промолчал и затаился.

– Просто порадуйся за меня, – ее руки легли мне на плечи.

Обнял ее, прижимая к груди.

– Только не рассказывай мне о ваших ссорах. Ты его простишь, а я нет. Но если узнаю, что он тебя обижает, влезу первым!

– Тебе никогда не придется меня защищать от него. Он меня очень-очень любит.

– Твои слова да Богу в уши!

Мы сидели в парке. Вернее, я сидел, а Лена лежала на скамейке, положив голову на мои колени. Были последние деньки августа. Провел ладонью по волосам, она приоткрыла глаза. После свадьбы Наташи я попросил ее выяснить всю информацию о Лене от свекрови и получить номер телефона. Девушка меня зацепила, несколько дней мимоходом несколько раз вспоминал, в конце концов понял, что мне нужно ее увидеть. Для чего, сам еще не знал. Лена была студенткой, училась в институте на технолога общепита, была коренной москвичкой, так что можно было сразу исключить ее корыстный интерес ко мне ради прописки, у нее была маленькая однокомнатная квартира, доставшая в наследство от бабушки. Как показали потом наши встречи, ей был интересен я сам, особенно то, что происходило между нами без посторонних людей.

– Каникулы заканчиваются, с сентября начнется учеба, – грустно заметила Лена.

– А тон такой, будто конец какой-то эры наступает, – улыбнулся, проведя пальцем по ее носу.

Не красавица, но глаза было сложно отвести в сторону, иногда мне казалось, что Лена была потомком какой-нибудь колдуньи, ибо привязывался к ней все сильнее и сильнее, будто приворожила. Раньше такого не было в отношениях с другими девушками.

– Мы с тобой будем редко видеться, ты на работе, я на учебе.

– Не думаю, что режим наших встреч изменится, твоя учеба же не до десяти вечера.

– Дим, – девушка резко села, заправив волосы за ухо, посмотрела на меня. – Мне этого мало.

– Что ты предлагаешь? – заинтересованно смотрел на Лену, ожидая от нее варианты решения проблемы.

– Почему бы тебе не переехать ко мне? Да, понимаю, что не так близко от центра, как ты привык, зато мы всегда будем вместе, – она приблизилась ближе, прошептала в ухо. – И ты наконец-то узнаешь, что такое утренний секс. И мы никуда не будем спешить вечером.

– Я подумаю, – пробормотал, обхватывая ее голову рукой, притянул ближе, завладел сладкими губами, которые пахли малиной.

Мама молчала. Я смотрел на ее склоненную темную голову, она смотрела себе в чашку. Дома никого не было. Специально выбрал время, когда отец был на работе. Мне было важно сначала поговорить с ней.

– Ты что-нибудь скажешь? – не выдержал я. Она вскинула на меня зеленые глаза.

– Ты ждешь от меня разрешения или что? Может, благословения? – понял, что она сердилась, губы ее недовольно поджались, глаза злились. – Ты ж никогда не спрашиваешь. Всегда делаешь по-своему. С чего это вдруг тебя взволновало мое мнение?

– Я просто тебе сказал. Мне показалось, что правильнее заранее сообщить о переезде к Лене. В конце концов, не вечно мне жить с вами.

– Ты на ней собираешься жениться?

– Прямо сейчас, что ли? – рассмеялся, правда, моего веселья не поддержали. – Нет, конечно.

– А что это тогда у вас получается? Что-то я раньше не наблюдала у тебя стремления с каждой своей барышней жить.

– Мама! Что тут такого криминального?!

– Дима! Ты думаешь только одним местом, не понимая, какие последствия могут быть!

– Какие? Что она зайдет?!

– Да хотя бы это!

– Методы контрацепции я знаю, благо папочка объяснил в свое время!

– Не тому папочка тебя учил! – она раздраженно встала, ушла в зал, я последовал за ней.

– Я не понимаю, чего ты злишься!

– Ты еще маленький! – мама обернулась, в ее глазах стояли слезы. Подошел к ней, обнял, она попыталась оттолкнуть, но затем прижалась к груди.

– И до скольких лет я у тебя буду маленьким? Пока седина в волосах не появится?

– Дима! Я просто не готова тебя отпустить...

– Но тебе придется меня отпустить, ты как никто знаешь, что если я принял решение, то ничто его не изменит.

– И в кого ты такой упрямый?!

– Может, в тебя?

Я услышал сдавленный смешок. С самого детства все говорили, что Олег папин сын, а я – мамин. Внешне мы больше похожи на мать, черноволосые с зелеными глазами, лишь некоторые черты лица взяли от отца и его высокий рост. Олег не случайно поступил в медицинский институт, он хотел быть похожим на отца во всем, поэтому они вместе сейчас и оперируют. Думали, что и я последую за ними, но во мне было слишком много энергии, импульсивности. И взрывной характер. Меня, как и мать, передергивало, когда обсуждали какие-то тонкости операции. Они смеялись, а мы уходили в другую комнату. Мама была художником. Вернее, фотографом, она первая научила меня правильно держать фотоаппарат. Только это было хобби, по профессии числилась бухгалтером. Именно от нее мне досталась богатая фантазия, которая еще в детстве активно развивалась при помощи придумывания историй по фотографиям.

2 глава

В кафе было шумно. Пятница вечера всегда была шумной. Мы с Борисом нашли укромное местечко, поджидали Наташку. Заказали пиво и пивную тарелку.

– Ты какой-то замученный, – заметил друг, я усмехнулся. – Что, семейная жизнь выматывает?

– Я посмотрю на тебя, когда ты будешь с кем-то жить. Хотя мне грех жаловаться. Просто устал за неделю, работы много, Ленка старается быть хорошей «женушкой».

– На работе нормально?

– Ой, на работе, будь моя воля, я бы поселился. Слушай...

Я нагнулся к Борису и полчаса ему рассказывал про проекты, которые сейчас разрабатываю. Он не перебивал меня, лишь посмеивался. Я оживленно, взалхоб обсуждал с ним все, что последнее время меня поражало на работе, будь то соглашение на строительство или проект очередного многоквартирного дома.

– Привет! – радостно возникла перед нами Наташка, поспешила нас расцеловать.

Я взял ее руку, улыбаясь, усадил на стул возле себя. Рукав свитера немного приподнялся, обнажив синяки.

– Это что? – вскинул на девушку глаза, выпрямляясь. Наташа одернула рукав, улыбнулась.

– Это? Да как-то с Борисом гуляли, отступилась, а он схватил за руку и не рассчитал силы. Ты же теперь далеко от нас живешь, – ее глаза метнулись к Борису, тот как-то натянуто улыбнулся, опустил глаза в бокал с пивом.

– Боря? – переспросил я, не веря.

Борис таракана не обидит, а чтобы силы не рассчитать, это что-то из мира фантастики. Он слишком быстро закивал головой. Я хотел тут же выразить свое сомнение, но меня окликнули. Обернулся. Недалеко стояла Ленка и махала мне рукой, жестом попросила подойти.

– Я сейчас, – бросил друзьям, вставая.

Пробираясь к Лене, отметил, что она пришла с подругами. При виде меня они заинтересованно подняли глаза. Забавно, из всех кафе столкнуться именно в этом, хотя я ей говорил, куда приду с друзьями.

– Девочки, знакомьтесь, это мой Димочка, – она схватила меня за руку, переплетая пальцы, прижалась к боку.

Растерялся. От «Димочки» у меня едва не дернулся глаз. Терпеть не могу ласкательные имена. Или Дмитрий, или Дима. Ладно, дома ей на это укажу, не в кафе же выяснять отношения.

– А вы не верили, – улыбка у нее была победительницы. Девушки заулыбались.

– А к чему такое публичное выставление статуса? – прошептал Лене на ухо, продолжая улыбаться.

Мы, конечно, не скрывали от других людей, что встречаемся, но не собирали друзей, родственников, знакомых и не объявляли громко, кто кому приходится. Я не считал нужным каждому что-то объяснять. Ибо моя личная жизнь, она моя. Она проигнорировала вопрос, это задело и разозлило.

– Я пойду, меня ждут.

– Подожди, – и на виду у всех прильнула к губам, ей хотелось дерзкого поцелуя, я не поддался на ее провокацию, отстранил от себя, чмокнул в щеку.

Возвращаясь к своей компании, размышлял над поведением девушки. Было больше вопросов, чем ответов.

– Ты ему ничего не скажешь! – громко говорила Наташа Борису, тот сидел с опущенными глазами. Ее фраза меня заинтриговала, моментально перекрыв мысли о Лене.

– Что не скажешь? – посмотрел на подружку, беря бокал пива, садясь на свое место. Она улыбнулась, нервно поправила рукава свитера, схватилась за чашку с чаем.

– Вот все тебе надо знать!

– Какие-то секреты от меня? С каких это пор?

– Может, мы тебе готовим сюрприз!

– До моего дня рождения еще полтора месяца! Надеюсь, ты не обрадуешь меня, что через девять месяцев стану папочкой?

– А ты, я смотрю, так и будешь рад, – съязвила Наташа.

Мы рассмеялись, Борис заметно расслабился. Вечер прошел как в старые добрые времена, когда мы втроем собирались и непринужденно общались, шутили.

Вернулся домой после одиннадцати, пришел первым. Уходя из кафе, заметил, что Лены с подругами уже не было. Дома ее тоже не оказалось. Часы показывали первый час ночи, в дверях повернулся ключ. Когда она включила свет в прихожей, от неожиданности вздрогнула. Я стоял в дверях.

– Привет, – она оперлась о стену, довольно улыбаясь.

Глаза лихорадочно блестели. Лицо румяное то ли от выпитого алкоголя, то ли от того, что только зашла с улицы. А может, еще от чего-то. Я злился, еле сдерживал себя, чтобы не схватить ее за плечи и не потряхнуть хорошенько. Мне было неприятно обнаружить пустую квартиру, еще странное поведение в кафе бесило.

– Где ты была? – обманчиво спокойно спросил, скрещивая руки на груди.

– А ты как ревнивый муж, – Лена медленно подошла ко мне, не разуваясь, губы изогнулись в чувственной улыбке, глаза жадно заблестели. – Ты же видел, что я была с подругами. Заболтались. Еле отбилась от них. Все никак не могли уговорить по поводу тебя, – она, как кошка, потерлась об меня, но я лишь сузил глаза, никак не реагируя на ее телодвижения.

– А что во мне не так?

– Как раз все так. Даже очень так, – ее пальчики с красным маникюром пробежались по обнаженной груди, очертя рельеф мышц. Если бы не гнев, ее заигрывания не остались бы без внимания.

– Не понимаю смысла сцены в кафе.

– Ой, Дима, да успокойся. Что ты из мухи делаешь слона! – Лена неопределенно махнула рукой, было видно, что не хотела обсуждать со мной данную тему.

Чувствовал себя надоедливой мухой, которая жужжит над ухом и раздражает. От этого сравнения еще больше взбесился. Я схватил ее за руки, прижал к стене. Вместо того чтобы испугаться, она возбудилась, призывно приоткрыв губы, часто задышала.

Склонившись над ее лицом, прошептал:

– Не люблю, когда меня выставляют идиотом!

– Ты такой злой, – промурлыкала девушка, пытаясь поцеловать, я увернулся. – Это очень возбуждает, будоражит кровь...

– Да? – отпустил ее руки и резко дернул декольте платья в разные стороны. Послышался треск разрывающейся ткани, показался кружевной бюстгальтер, карие глаза моментально протрезвели, стали огромными. – Продолжать?

– Ты мне испортил платье! – в ее голосе прорвались визгливые нотки. Оказывается, платье важнее, чем мое отношение.

Поджал губы и процедил:

– Я могу не только его испортить!

– Боже! – прошептала Лена, я застыл в нерешительности, ее шепот был полон какого-то восхищения, радости. – Мне это нравится! – она схватила мои руки, положила на свои груди.

Напрягся. Никогда не замечал увлечения в жестком сексе, прошлые отношения были сплошь «ванильными и приторными», как сладкая сахарная вата. – Ну, покажи мне свой разъяренный темперамент!

Дважды просить не требовалось. Я с рыком прижал девушку к стене и впился жестким поцелуем, грубо лаская ее груди, вытасканные поверх бюстгальтера. Она бесстыдно стонала, впиваясь ногтями в плечи, чем еще больше заводила. Наша ссора была погашена на корню. Из ее одежды целым остался только плащ благодарю тому, что изначально был расстегнут.

Никогда мне лестница до кабинета главного архитектора не казалась такой бесконечной, обычно я ее преодолевал на раз-два-три. Ноги не спешили. Утром пришла секретарша Петра Ивановича и попросила ближе к обеду зайти. За это время я всего себя истязал, думая, по какому поводу вызвали.

– Добрый день, Петр Иванович. Вызывали? – робко вошел в кабинет, чувствуя себя как в кабине директора школы после очередной драки.

– Проходи Дмитрий, – жестом Петр Иванович указал стул возле его стола. Послушно сел на указанное место. – Как работа?

– Нравится.

– Все получается?

– Если бы не получалось, вы бы не стали меня здесь держать.

– Дерзишь, мальчик мой. Но это по молодости. Скажи, вот между нами, по секрету, какие планы у тебя лет этак на пять?

– Как-то не задумывался на такой срок, – осторожно ответил, чувствуя, что неспроста ведется разговор издалека.

– Я за тобой наблюдаю. Претензий нет, наоборот, восхищаюсь тобой. Ты четко понимаешь, что от тебя хотят, предлагаешь разумные варианты.

– Спасибо.

– Знаешь, иногда на миллион людей рождается очень талантливый человек. Их считают гениями, чудаковатыми, сумасшедшими. Они свое дело ставят превыше остального. И дай благодатную почву, добьются колоссального успеха. Как говорится, талант есть, нужно иметь чуточку везения и тогда весь мир покорится. Зачастую таких людей не сразу видишь, только благодаря какой-нибудь случайности узнаешь, что перед тобой не как все, а один единственный. Ты отличный работник, но мне кажется, что тебе немного тесно в нашем учреждении. За столь короткий срок ты почувствовал, что достиг потолка. Не так ли?

Я напрягся. Неуверенно улыбнулся. Вопрос был с двойным смыслом. А правильного ответа не знал. Все, что могла предложить эта работа, я впитал в себя. Наверное, слишком быстро.

Петр Иванович усмехнулся моему молчанию. Протянул мне папку. Открыв папку, едва сдержался, чтоб не чертыхнуться. Передо мной лежали наброски, которые как-то выкинул, забраковав. Почему не имею привычки все рвать, прежде чем отправить листы в мусорку?

– Я могу все объяснить, – пробормотал, кусая губу от досады.

И почему было так неловко за свои работы? Наверное, Петр Иванович посчитал их детскими зарисовками.

– А что тут объяснять. Когда мне их принесли, я не мог понять, откуда у нас тут появился самородок, который мыслит шире, чем привыкли. Благо не пришлось заниматься расследованием. Быстренько злопыхатели подсказали, где искать, думая, что полетит головушка провинившегося, – я непонимающе уставился на начальника, совсем потерял ориентир. – Тебе надо развиваться. И желательно за пределами России. Где-то в Европе или Америке. Ты поглощаешь данную тебе информацию слишком быстро, бежишь куда-то вечно вперед, опережая возможности реальности.

– Я не очень понимаю, к чему вы клоните...

– Дима, я вижу, что архитектура – это твоя страсть, неизлечимая болезнь. У меня есть друг, наш с тобой коллега, проживающий долгое время в Нью-Йорке. Если ты позволишь, я бы с ним поговорил о тебе, показал твои работы. Глядишь, что-то мы с ним вместе сообразим.

– Вы, наверное, шутите... – потрясенно прошептал, не веря услышанному. Даже в самых смелых мечтах о таких перспективах не мечтал.

– Не имею привычки шутить, когда дело касается работы. Талантливых людей надо продвигать, а не погребать. Так ты согласен?

– Да, конечно. Попытка не пытка.

– Вот и славно.

Встали одновременно, пожали руки. И не веря происходящему, покинул кабинет.

За окном лил дождь. Такой привычный в октябре месяце. Втроем сидели на кухне у Бориса, каждый смотрел в свою кружку с чаем. Мне было перед ними неловко. Никто не смотрел прямо, все избегали смотреть друг другу в глаза.

– Ну, хватит молчать! Уже жалею, что сказал!

– Мы просто потрясены, – пробормотал Борис. – Америка... Это даже во сне не могло присниться. И так далеко.

– И когда ты уезжаешь? – Наташа подняла глаза, заметил в них смятение, тихую радость, о которой не хотелось кричать. Порадовался, что никто не испытывает зависть, даже Борис смотрел удивленно, но восхищенно.

– Я еще никуда не уезжаю. Возможно, не уеду. Просто покажут мои проекты западному архитектору. Он даст консультацию.

– Не думаю, что твой начальник ради консультации стал бы так суетиться. Он мог молча показать твои рисунки другу, порассуждать и забыть. Дима, если тебе дадут возможность уехать, езжай, не думая! Это шанс на миллион! – Борис снял очки, стал их протирать.

– Это такие туманные перспективы, что мне даже смешно в них верить. Может пройти не один месяц, а то и полгода или год, когда дело сдвинется. Если вообще сдвинется.

– Ты что, откажешься? – Наташа пытливо на меня смотрела, я растерянно пожал плечами.

– Я как-то не думал. Одно дело представлять в своей голове, другое – реально собрать вещи и уехать. Я даже не уверен, что смогу.

– Дим, ты вообще соображаешь, что говоришь?! – вспыхнула подруга, яростно сверкая глазами. – Как петухом ходить перед потенциальным начальством, это нам по силам, а как уехать, сразу в кусты! Это шанс! Ты же вечно ворчишь, что тебе тут мало места, что не хватает здешних знаний!

– А как же родители? Лена?

– А что с ними случится? По-моему, родителям Олег на два года обеспечил забот, нянчить внука. А Лена... Расстояние и покажет, насколько она тебя любит, – она выдержала мой долгий прищуренный взгляд. – Ты ж не навсегда уезжаешь. На обучение. Приедешь, женишься на своей Ассоль. Пойми, дважды такого предложения не будет! Мы никуда не денемся, мы всегда с тобой, как и родители, где бы ты ни был.

– Как же я вас люблю, – смущенно пробормотал, утыкаясь в чашку, пряча влажные глаза. Не у каждого человека есть за спиной опора, сила, которая дает веру в себя, в свои силы. Мне повезло в друзьях, в родных.

Не сомневаюсь, что люди, которые любят, отпустят.

Музыка играла на полную мощность. Компания разбилась на мини-группы, разошлась по дому. Родители Бориса любезно предоставили дачу для празднования моего дня рождения. Мы собрались университетской компанией, разбавленной половинками. Лена пластично тан-

цевала под музыку, притягивая не только мои взгляды к себе. Держа стакан виски с колой, присматривал за ней.

– Красивая у меня родственница, – рядом возник Виталик, единственный из всех пил только пиво, но был пьянее меня. Скосив на него глаза, промолчал. – А фигурка у нее, закачаешься! И попка аппетитная. Я бы ей вставил! – от его слов выпрямился, прищурившись.

– Себе вставь! – процедил сквозь зубы.

Рядом оказался Борис. Как арбитр, наблюдал за нами в шаговой доступности. Виталик ухмыльнулся, отпил из бутылки.

– Куда я хочу вставить Ленке, я обязательно вставлю Наташке!

Я угрожающе двинулся в его сторону, понимая, что меня провоцируют, дразнят. Борис схватил за руку, удерживая.

– Не надо Дим! – друг покачал головой.

Бросив на довольного Виталика уничтожающий взгляд, направился к Ленке. Она маняще улыбнулась через плечо, прижимаясь спиной к моей груди. Мы с ней танцевали, держа друг друга в объятиях. Время уже было позднее. Вокруг стали расходиться по койкам. Лена потянула меня вверх, затолкнула в одну из комнат, стала поспешно стягивать с себя футболку.

– Какая ты нетерпеливая, – посмеиваясь, снял свою футболку, поймал ее за руку и притянул к себе. Она выгнулась дугой, только коснувшись пальцами соска груди, отодвинув чашечку бюстгалтера.

– Я сегодня готова исполнить все твои тайные мысли, – прошептала Лена, поблескивая в темноте глазами.

Я замер. Брошенные слова Виталика зудели, как рой пчел. Не мешали, но возбуждали. Она опустилась на колени передо мной, расстегивая пуговицу на джинсах.

– Все? – задыхаясь, спросил, глядя в потолок, чувствуя ее губы внизу живота. В ответ получил только довольное мычание. – Лен... Ты дашь мне свою попку?

– Что? – девушка подняла голову. Очень жалел, что не вижу ее лица в темноте. Не вижу, какие эмоции блуждают по нему. – Ты хочешь трахнуть меня в попку?

– Забудь. Просто сказал не подумав, – поспешил замять разговор, притягивая ее к себе, поднимая с пола.

– Ты действительно хочешь? – не успокаивалась Лена, отстраняясь от меня. Я, наверное, покраснел, промолчал, мне было стыдно и любопытно одновременно.

– Ну, мало ли, что мне хочется.

– А ты когда-нибудь пробовал?

– Нет, – честно признался, надеясь, что данный разговор будет окончен, ибо стал напрягать. Она хихикнула, прильнула к губам, обводя контуры языком.

– Это будет мой тебе подарочек! – прошептала девушка, таща меня к дивану.

Я послушно за ней последовал, не веря, что потайные желания могут сбываться. Сжимая ее тело в своих руках, заглядывая в томные глаза, осознал, что попал. Она стала моим наркотиком. Моей зависимостью, от которой и лечения-то нет. Да и не хотелось мне «лечиться». Определенно она стала мне не просто нравиться, я привязывался к ней настолько, что, засыпая, подумал о том, чтобы на ней жениться. Мысль мелькнула и сразу же исчезла. Но если зернышко упало, обязательно что-то взойдет, не сомневался, рано или поздно вновь подумаю о свадьбе.

Утром просыпался под быстрые поцелуи, довольно наблюдая за кареглазой искусительницей из-под ресниц, не противился в ее лидерстве, отдавая бразды правления. Лена была неутомимой в сексе, ей всегда было мало, готова была им завтракать, обедать и ужинать.

– Нам надо вставать, наверное, все уже проснулись, – целуя пухленькие губы, поднимаюсь с дивана.

Лена неохотно согласилась, мы оделись, через некоторое время уже были внизу, где женская часть готовила завтрак, а парни были во дворе, жарили шашлыки. Лене поручили резать

хлеб, я сел за стол, не сводил с нее сияющих глаз, она старалась не так счастливо улыбаться. Но ей это плохо удавалось. Принесли готовое мясо, девчонки поторопились достать тарелки, вилки. Ставив с тарелки нарезанный перец, перешучивался с ребятами.

– А вот и наш вчерашний именинник, сидит довольный как слон и сияющий, как новенький самовар, – с издевкой появился Виталик, подходя к столу. Мое настроение тут же сменило направление, благодушие ускользало, уступая месту раздражению и едкой злости. – Я бы тоже был таким счастливым, не давая соседям ночью спать, демонстрируя свою активную половую жизнь.

Я, наверное, слишком долго его терпел. Слишком долго игнорировал наш конфликт. Наша тайная неприязнь друг к другу уже выходила из-под контроля. Резко встал, схватил лежащий рядом нож и кинул в него, намеренно беря немного левее. Его глаза расширились от ужаса, услышав возле уха лишь свист летящего предмета. Вокруг повисла гробовая тишина.

– Еще раз откроешь свой рот, и следующий нож полетит не мимо, а прямо, – бросил взгляд на стол.

Кто-то предусмотрительно успел убрать острые предметы. Отшвырнув от себя стул, тот с грохотом упал на пол. Поспешил на улицу от греха подальше. Холод заставил вздрогнуть в футболке, но это не остудило ярости. Направился к бане, за ней лежала фанера. Ударил кулаком раз, следом последовал еще удар. Бил до тех пор, пока боль не заставила сжать зубы. Костяшки были разбиты. Рядом стояла бочка с водой. Нагнулся над ней и, загребая ладонью воду, поливал голову, закрыв глаза. Я мог его убить. Осознанно, хладнокровно, глядя в глаза. Посмотрел на руки, они дрожали, будто вчера напился до бессознательного состояния. Услышав шаги, вскинул голову. По тропинке шел Борис с моей курткой.

– Оденся, а то заболеешь, не лето на дворе, – он, как всегда, был невозмутим, я даже не делал попытки заглянуть в глаза, боясь увидеть там страх, отвращение.

Из карманов куртки достал сигареты, зажигалку. Лишь с первой затяжкой комок напряжения в груди стал отпускать. Отвернувшись, направился вглубь, к саду. Борис шел сзади, держа расстояние.

– Ты так и будешь сзади стоять, как верный паж? – смотрел на голые деревья.

Летом мне нравилось тут бывать, родители часто отпускали на каникулах с Борисом. Можно сказать, что в этой округе прошло все летнее наше детство.

– Можно говорить? – он подошел, встал рядом.

– А тебе надо особое разрешение?

– Ну, мало ли, может, хотелось помолчать.

– Что там ребята?

– Делают вид, что ничего не произошло. Едят шашлык, поют песни под гитару. Никто и не собирается сочувствовать Виталику. Только Наташка рядом с ним.

– Ну, это предсказуемо.

– Дим, – Борис странно на меня посмотрел, тщательно подбирая слова. – А если он вдруг обидит ее не словами, допустим, а как-то по-другому, что сделаешь?

Я поднес сигарету и, сдвинув брови, смотрел на друга. Смысл вопроса был понятен. Не раз же заявлял, что не буду стоять в стороне, если только заподозрю что-то неладное. Но видно, до этого дня никто не думал, до какой степени я готов встать на защиту Наташи.

– Если с ее глаз просто слезинка соскользнет из-за него, ему можно попроситься с жизнью. Обидно будет испортить себе жизнь из-за такого говна, но давать в обиду я не собираюсь! – и, глядя в глаза Борису, спокойно улыбнулся, подтвердив тем, что это сказано не на эмоциях. – Можешь ему слово в слово передать, тихо на ушко.

Хлопок. Зашипело шампанское. Мне протянули бокал. Улыбка идиота застыла как полчаса назад, едва только поставил подпись на договоре. Америка... Нью-Йорк. Я не верил своему счастью.

– Дмитрий, вы выглядите как человек, у которого осуществилась американская мечта! – посмеиваясь, заметил Никита Викторович, друг Петра Ивановича.

– Простите, – смутился, меня изнутри распирало, было невозможно делать серьезное лицо. Мужчины понимающе улыбнулись.

– Ты, Петр, как всегда, умеешь разглядеть в куче... грязи алмаз! Я как раз стал задумываться, где бы взять свежей кровушки для себя, старика!

– Никита, ты говоришь странные вещи. Дмитрий еще подумает, что отправляем на ужин к какому-то вампиру, и передумает.

– Поздно ему метаться, я буду его ждать с распростертыми объятиями уже в начале лета. Как удачно сложились звезды. Как будто кто-то рисует события свыше. Когда ты показал мне его работы, у нас в планах не было никаких новых проектов, все расписано до осени. И буквально за месяц нарисовался новый заказ, появилась возможность взять нового человека, – Никита Викторович задумчиво на меня посмотрел.

– Если ты сомневаешься, то зря! – Петр Иванович встал, подошел ко мне. Поднес бокал, мы с ним чокнулись. – Когда нас спишут, мы с тобой будем читать про этого молодого человека статьи и гордиться, что в мире архитектуры он открылся благодаря нам.

– Я постараюсь заявить о себе до того, как вас торжественно выпроводят на пенсию! – нахально улыбнулся, вскидывая подбородок, уверенный в своих словах.

– Слышал? – Петр Иванович обернулся к Никите Викторовичу. – Нам еще придется подвинуться! Если вообще не уступить в первенстве. Амбиции у него так и зашкаливают.

– Что ж, – Никита Викторович подошел к нам, – я надеюсь, Дмитрий, что ваш энтузиазм не только на словах и рисунках, но и в деле. Не обещаю, что будет легко, новичкам доверяются с неохотой. Но если вы действительно талантливы, трудолюбивы, болеете своим делом – успех обеспечен.

– Я вас не подведу, – посмотрел на каждого серьезно, – у меня в планах завоевать весь мир. Зачем мне какой-то кусок праздничного пирога, когда я хочу его целиком? Поэтому чуточку везения, а остального добьюсь сам!

Поднесли бокалы. Под одобрительные взгляды начальника и его друга чокнулись. Со стороны, может, слова показались слишком громкими и хвастливыми, но во мне была несокрушимая уверенность в своих силах, в своих возможностях, в своей любви к работе.

Подхватил Лену под локоть, чтобы она не упала, было скользко. Забежали в подъезд родительского дома. По случаю двадцать третьего февраля, когда Олег и отец были дома, что при их профессии собраться всем на праздник было нереально, мама решила нас соединить за семейным ужином. До этого я уже приходил с Леной, знакомил с родителями. Родители отреагировали сдержанно, не было громких вопросов: «Когда свадьба? Когда внуки?». Со стороны главной моей женщины особого восторга не увидел, она улыбалась, но глаза не участвовали. Интуитивно чувствовал, что как будущая невестка, Лена ей не нравилась, как случайная длительная связь – можно потерпеть. Сама Лена так же не любила бывать у меня дома, чувствовала себя не в своей тарелке, чаще всего молчала, опустил глаза. Что никак не вязалось с ее настоящим поведением дома, когда мы одни или с друзьями. Вот и в этот раз замерла перед дверью, ища в моих глазах поддержку, вид был обреченного человека. Я ободряюще улыбнулся и открыл дверь.

– Мы пришли! – объявил громко. В прихожую вышла Алена, держа на руках Сережку. Улыбнулась.

– Как раз вовремя, прям к столу!

В зале торжественно был накрыт стол. Пожал руку отцу, Олегу, который открывал бутылку вина. Мама вежливо поздоровалась с молчаливой Леной, та одним кивком головы поприветствовала всех. Внесли запеченную курицу с овощами. Перешучиваясь с Олегом, я с Леной сел за стол.

– Я так счастлива, что наконец-то моя семья собралась за одним столом! – мама довольно обвела каждого счастливым взглядом. – Пусть такие дни бывают почаще, не только по праздникам.

Мы все чокнулись, в бокалах для женщин плескалось вино, мужчины предпочли коньяк.

– Хорошее желание, учитывая наши с Олегом графики, – отец нарезал мясо для всех на маленькие кусочки, – но я присоединяюсь к этому желанию. Возможно, в скором времени наша семья расширится! – он выразительно на меня посмотрел.

Я усмехнулся, обращаясь к Олегу:

– Вы уже второго ждете?

– Я еще от этого не отошел, – брат смотрел смеющимся взглядом, потом посмотрел на Алену с сыном, ласково улыбнулся, – а ты про второго.

– Ну, вы не откладываете в долгий ящик.

– Это почему?

– Потому.

– Ты что-то скрываешь! Давай колись уже!

– А ты наливай, я потом расскажу.

Олег сразу поспешил разлить вино и коньяк, бросая на меня вопросительные взгляды. Все остальные спокойно ели, мимоходом прислушиваясь к нашему диалогу. Выждав момент, поднялся, беря рюмку. Мама сразу выпрямилась и настороженно на меня уставилась. Заметил в ее глазах беспокойство и напряжение.

– Я рад, что мы собрались все вместе. И мне не надо будет потом каждому повторять одно и то же. Возможно, для полного состава не хватает моих боевых товарищей, но они частично в курсе. Вы все прекрасно знаете, что я по натуре большой максималист. Особенно если это касается работы.

– Иногда она первее, чем кто-то еще, – заметила Лена, впервые заговорив.

Я улыбнулся ей. Имеется в виду ночные просиживания за компьютером или за чертежной доской, когда я пренебрегал зовущим взглядам заняться чем-то другим. Сколько я таких вечеров променял в пользу работы, не сосчитать.

– Три дня назад я подписал договор о сотрудничестве с одной американской компанией на год, – посмотрел на маму, но в ее глазах еще не было осознания сказанных мною слов. Остальные тоже молчали, не понимая смысла объявления, вернее, не было еще осмысления.

– Какая Америка? – прошептала Лена, вскидывая на меня глаза. Ее рот удивленно приоткрылся. Сначала она смотрела ошеломленно, с каждой минутой понимания смысла моих слов глаза сужались, пока не превратились в щелочки.

– Северная. В частности, я лечу в Нью-Йорк.

– Какой Нью-Йорк, Дима? Ты шутишь? – она вскочила на ноги, взгляд метался по моему лицу, пытаясь отыскать хоть намек на шутку. Но я покачал головой. Лена на мгновение застыла передо мной, как изваяние, затем рванула в прихожую.

– Лена! – окликнул девушку, последовав за ней. Она торопливо накинула куртку, выскочил на лестничную площадку. – Да подожди ты! – схватил ее за локоть, но она выдернула руку.

– Ты, кроме себя, о ком-то еще подумал? – закричала Лена, откидывая с лица волосы. Она злилась. В какой-то степени я ее понимал. – Вот так просто взял и решил! Даже не посоветовался! Даже не спросил моего мнения! Ты хренов эгоист, до мозга костей!!!

– Лена! Отнесись к этому проще. Представь, что ушел в армию. Это всего лишь на год. Двенадцать месяцев. Это мой шанс заявить о себе на Западе, показать себя да посмотреть на других. Это бесценный опыт, это как карт-бланш в другой мир.

– Знаешь, – ее губы усмехнулись, она застегнула куртку, поправила сумочку на плече, вскинула подбородок, – не приходи сегодня домой. Переночуй у родителей.

– Лена...

– Мне надо побыть одной, подумать.

Я смотрел, как она торопливо спускалась по лестнице, вздохнул, понимая, что в квартире меня ждет реакция не лучше. Естественно, никто с песнями и плясками не встретил.

Сел на свое место, взял бокал с вином. Алены и матери не было.

– Итак, одно мнение я выслушал, кто следующий? – посмотрел на отца.

Он положил вилку с ножом, поднял на меня серые глаза. Папа всегда был уравновешенным, флегматичным. Спокойным тоном заявил, смотря в упор на меня:

– Это неожиданно. Но в твоём стиле.

– В смысле?

– В самом прямом. Ты никогда не предупреждаешь. Ты ставишь перед фактом. И его остается либо принять, либо не принять. Третьего варианта нет.

– Но я сам до конца не знал, поступит предложение или нет, это стало понятным буквально недавно. А бросаться пустыми словами – только сотрясать воздух.

– То есть мы недостойны были даже знать о таких перспективах? – отец рассматривал меня бесстрастно, без лишних эмоций. От его вопроса я поджал недовольно губы. И молчал, ибо стоящего ответа у меня не было. – Для чего тогда существуют родные люди? Для чего тогда создаются семьи? – он положил салфетку на стол, встал, с высоты своего роста печально на меня посмотрел. – Я немного прогуляюсь.

– Я с тобой, – как верный пес, вскочил следом Олег, брат и слова не сказал по поводу сложившейся ситуации.

Я обидчиво покрутил бокал. Едва они ушли, поставил локти на стол и закрыл лицо ладонями. Я, конечно, ступил. Вопрос отца был логичным. И мне нет оправданий, почему не сообщил им. Но был еще один человек, который мог меня понять, понять смысл поступков, ибо сам такой же.

– Мам! – ворвался на кухню.

Она стояла возле окна в полной темноте. На попытку включить свет прошептала, не обращившись:

– Не надо.

– Мам, – подошел к ней, хотел обнять, но она отошла к плите, поставила чайник. Ее нежелание со мной общаться больно ранило. – Прости.

– Ты всегда все делаешь по-своему! Всегда! И тебе глубоко наплевать, что чувствуют близкие люди!

– Это неправда... – попытался оправдаться, но меня с досадой перебили:

– Да помолчи ты! Я никогда не думала, что мой любимый сын вырастет эгоистом! Чего тебе не хватает? Почему ты вечно хочешь чего-то большего, чем тебе предлагают?!

– Не знаю... – я все-таки подошел к ней и положил ладони на плечи. – Но не хочу ощущать, словно жизнь проживаю зря. Почему я должен упускать шанс? Я не хочу стоять перед выбором: семья или работа, но если вдруг придется выбирать, все решится в пользу второго.

– Работа никогда не заменит семью.

– Лет через двадцать я подумаю о семье. Я слишком молод, чтобы останавливаться на достигнутом, зная свой потенциал. Я хочу научиться хватать звезды с неба. Я хочу покорять этот большой мир. Пусть не сразу, постепенно, но рано или поздно он окажется у моих ног.

– Тебе напомнить, чем закончилась жизнь таких вот завоевателей?

– Я не собираюсь разжигать войны, истреблять народы. У меня более миролюбивое покровение.

– Откуда в твоей голове такие мысли?

– Почему никто не хочет меня понять? – обидчиво спросил, садясь за стол, складывая руки в замок. – Каждый хочет добиваться своей мечты, почему мое стремление в профессиональном росте не находит поддержки в самых близких людях? Не задавались вопросом, почему я промолчал о возможностях? Как Олега поддерживать во всех его начинаниях, пожалуйста, еще и поможем. Как я, сразу эгоист, сразу маленький, сразу тысяча причин считать меня сумасшедшим! – решительно встал, прошагал мимо матери.

– Ты куда? – она смотрела мне вслед.

Я замер возле двери, долго в темноте смотрел на ее силуэт.

– Сейчас в комнату. А так... я все равно уеду, с вашим благословением или нет. Это моя жизнь, что хочу, то и делаю.

Кофе давно остыл. А чай в другой чашке был допит. Лена сидела напротив, опустив голову, волосы скрывали ее лицо. Все оказалось намного сложнее, чем думал. Родители смирились, потому что я их ребенок, каким бы ни был, выбор не особо богат. А вот Лена и не думала так просто мне простить отъезд в другую страну, что проложит между нами не только километры, но и океан.

– Лен, ну хватит дуться, – попытался взять ее за руку, но она откинулась на стуле, скрестив их на груди. Ее карие глаза были заплаканные, красные.

– Скажи, ты меня любишь?

– Лен...

– Или работу ты больше всего на свете обожаешь? Знаешь, это странное ощущение. Ладно бы там другая девчонка была, можно было понять, почему ты уезжаешь. Но из-за работы... Я даже не знаю, как с ней соперничать за твое внимание... Это так глупо! – одинокая слеза скатилась по щеке, но она ее поспешно смахнула. Губы упрямо поджаты.

– Лен, я вернусь. Обещаю. Через год приеду. Мы с тобой сразу же распишемся, – улыбнулся. Про любовь ни слова, зато о свадьбе сказал. Лена удивленно посмотрела на меня, сдвинув брови.

– Это ты так предложение делаешь?

– Это я пока тебе рассказываю планы. А предложение сделаю нормально. Как и положено, с признаниями любви, с кольцом, на коленях. Возможно, даже спою.

– Дима... – она шмыгнула носом, и поспешила покинуть свое место, сесть ко мне на колени, обняв за шею. – Ты не шутишь? Не женишься в Америке ради гражданства?

– Зачем мне какие-то американки, когда у меня есть ты? Красивая, с чертиками в глазах, очень сексуальная, – провел ладонью по ногам, поднимая подол халата.

Ее губы завладели моими губами. Потухший пожар между нами вновь вспыхнул, еще сильнее друг к другу притягивая. Слегка лукавил, что по приезду буду признаваться в любви, во мне ни разу не возникло желания прошептать ей заветных для каждой девушки три слова. Единственное, о чем действительно тревожилась моя душа, что будет не хватать за океаном ее безотказного тела, ее жадности до секса. Смутно себе представлял, как избегать соблазнов, ведь не в определенном месте за высоким забором буду сидеть, ночь-то всегда будет свободна от работы. А ночью-то как раз и тоскуется больше всего...

3 глава

Кто-то настойчиво звонил в дверь. Повернувшись на другой бок, думал, мне это всего лишь снится. Рядом спала теплая Ленка. Притянув ее к себе, вновь стал засыпать, как звонок опять раздался. Мысленно прибил того человека, который стоял возле нашей двери.

– Кто-то пришел, – пробормотала девушка.

Раздраженно поднялся с дивана, натянул штаны и футболку, поплелся открывать дверь. Не посмотрев в глазок, распахнул ее и хотел послать далеко и подальше, но пришлось захлопнуть рот, не произнеся и слова. На пороге стоял Борька.

– Что-то случилось? – недовольно спросил, продолжая хмурить брови, не ощущая никакого беспокойства. Подсознательно я боялся ночных звонков и ранних приходов, был стереотип, что такие вот моменты ничего хорошего не приносят.

– Мне нужен твой совет, – Боря смущенно на меня смотрел сквозь линзы своих очков.

– Прям с утра? Борька, ты там не свихнулся? На часах... – схватил его руку, взглянул на время. – Всего восемь!

– Вопрос жизни и смерти!!! – запальчиво он воскликнул. Я напрягся, некоторое время смотрел, не мигая, пытаюсь без его пояснений понять, что случилось. И вправду, выглядел он взволнованным, бледным, непривычная щетина на щеках, заметно нервничал.

– Ладно, проходи! – направился на кухню не оборачиваясь, дабы окончательно проснуться. С утра я редко нормально соображаю, особенно в выходные. Более адекватен становлюсь после чашки кофе и сигареты.

– Дим? – раздался из комнаты сонный голос Лены.

– Спи, – сказал ей, прикрыв дверь. В молчании прошли на кухню. – Чай, кофе? – поставил чайник, достал чашки. В одну из них насыпал растворимый кофе, варить было лень.

– Мне тоже кофе, – попросил Борис.

Пока чайник закипал, взял с подоконника сигареты, прикурил, щурясь, смотрел в окно, собачники уже выгуливали свою живость во дворе. Свободной рукой потер лицо. Повернулся к другу. Его глаза смотрели и грустно, и радостно. И весь он изнутри сиял.

– Я познакомился с девушкой! – выпалил он, словно выстрелил.

Было видно, что это событие выбило его из привычной колеи. Обычное явление для меня, познакомиться с девушкой, завести легкие отношения, но не для него. Как-то не получалось у Бориса находить общий язык с барышнями, те предпочитали нарушителей спокойствия типа меня, а правильный Борис навевал скуку. Хотя мне с ним никогда не было скучно, мы с ним были как инь и янь, дополняли друг друга.

– Поздравляю! – от души порадовался за друга.

Зажав зубами сигарету, разлил кипяток. Чашки поставил на стол и сел напротив, согнув ногу в колене, придвинул пепельницу к себе. Борис всматривался в мое лицо.

– Она такая милая. Такая хорошенькая. Если бы только видел ее глаза... – он мечтательно замер, взор был куда-то устремлен поверх моей головы, я сомневался, что рассматривает рисунок на обоях. Мне бы промолчать, но не выпавшийся, собеседник я никакой. Мечтал вернуться к теплоте чашки своей девушки.

– Боря, ближе к делу. Мне до ее прекрасных глаз по барабану, – докурил сигарету, потушив ее, взял кружку. Все-таки надо было сварить, растворимый – это вариант, когда варить нечего.

– Ей нет восемнадцати, – грустно признался Борис, опуская печальные глаза, покрутил кружку, водя пальцем по ручке. – Я не знаю, что делать.

– А что ты с ней хочешь сделать? – моментально развеселился, со смешинкой наблюдая за другом.

Мне, правда, не приходилось быть на его месте, в школе бегали по пятам малявки, но это была больше любовь глазами, они от страха не могли приблизиться ближе, чем на сотню метров к своему «объекту». В университете все было проще, под уголовную статью не попадешь.

Борис вскинул голову, устремил на меня глаза. В упор, словно киллер, направив дуло пистолета. Было неуютно. Прикрылся кружкой, дабы не дразнить гусей.

– Я хочу с ней состариться. Я хочу видеть в ее глазах себя. Слышать смех наших детей. Просыпаться с ней. Засыпать с ней. Я другую не хочу... только ее, – чеканя каждое слово, прошептал друг, заставляя стыть мою кровь, ощущать, как вдоль позвоночника бегут мурашки. Это было сказано просто, но с чувством. Я так никогда не говорил. Взглянул из-под полуопущенных ресниц на Бориса.

– Так в чем проблема? Заделай ей ребенка и женись, – шутливо посоветовал, но улыбка сползла, когда глаза Бориса зажглись, словно сам до этого не додумался. И кто тянул меня за язык? Он вскочил на ноги, намереваясь уйти, пришлось поспешно хватать его за руку через стол, сажая на место. – Я пошутил! Ты ведь не собираешься следовать моему совету?

– Я вполне серьезен.

– Боря, не пори горячку. Сколько ты ее знаешь? День-два?

– Неделью, – сконфуженно признался друг, глядя на меня сквозь очки. – Но ты не понимаешь. Я влюбился еще до того, как она со мной заговорила. Я стоял в магазине и не мог отвести от нее глаза. Я же влюбился в нее со спины, не зная, как выглядит она сама! Просто все изнутри кричало мне: Боря, вот твоя суженая! И тут она посмотрела на меня. И всё, что тревожило, заставляло беспокоиться, стало настолько неважным, главное, чтобы она была рядом, ради нее готов свернуть горы, достать Луну с неба, сделать невозможное возможным.

– Боря... Это же... – я растерянно замолчал, пытаюсь хоть на минутку представить, каково встретить своего единственного человека. Увы, фантазии мне в этой области явно не хватало. – Это, наверное, круто! Если это твое, оно никуда не денется! Я, извини, ничего толкового тебе не скажу, могу только шаблонными словами повторить известные истины. Уверен, что тебе повезло, вот так сразу встретить ту, единственную!

– Ты правда рад? – неуверенно промолвил друг, внимательно рассматривая мое лицо, словно не верил, что я могу без шуточек порадоваться за него.

– Да, поверь, я счастлив, потому что ты счастлив! Я могу только подозревать, что творится у тебя в душе, какой калейдоскоп эмоций ты испытываешь! Надеюсь, на свадьбу позовешь? – в конце ухмыльнулся, заставив Бориса так же улыбнуться.

И между нами вновь возникло незримое взаимопонимание без слов, больше говорили глаза. Есть любовь на уровне инстинктов, когда понимаешь свою половинку еще до того, как будут сказаны слова, так и у нас дружба с Борисом на уровне тонкой материи.

Я люблю раннюю Москву. Когда еще большая часть жителей города спит. Родился в столице, только учась в университете, понял, как мне повезло, что Москва родной город и мне ее покорять не надо. Были места, которые манили, там никогда не затихала жизнь, вечное движение. Вокзалы относились именно к таким местам, вечных встреч и расставаний. Поезд пришел утром. Улыбаясь своим мыслям, ощущал внутреннюю радость за удачную командировку, сумел вместо трех дней уложиться в два, предвкушал скорую встречу с Леной. Я соскучился по жгучей брюнетке.

Неподалеку от вокзала стояла сонная женщина, перед ней лежала большая охапка ромашек с крупными цветками. Вряд ли она ими торговала, скорее всего, везла их с дачи.

– Продадите? – подошел к ней. Женщина удивилась, потом улыбнулась, поспешно вытащила цветы, назвав за букет символическую сумму.

– Кому это вы?

– Девушке своей, – протянул деньги, подмигнул и направился к метро, которое только открылось.

Предупреждать ее о своем приезде не стал, во вчерашнем телефонном разговоре и словом не обмолвился, что приеду раньше, чем планировалось. Даже погрузили по этому поводу. Летом работы было как никогда много. Полчаса в подземке, десять минут пешком до ее дома. Возле подъезда никого не было, доставая ключи из кармана рюкзака, насвистывая какую-то мелодию, поднялся на четвертый этаж. Время на часах показало почти семь. Она, скорее всего, еще спала. Ленка была типичной «совой», утром с трудом просыпалась.

В прихожей было темно, бесшумно разулся, потом споткнулся о мужские ботинки. Странно, вроде вся моя обувь была в тумбочке. На цыпочках направился в комнату, представляя, как осыплю ее цветами, поцелую в сонные пухлые губы, как недовольно дрогнут ее ресницы, пробуждаясь, а после мы займемся потрясающим сексом. Жадным, поглощающим. От этих мыслей я не обращал внимания на поскрипывание дивана в комнате, взялся за ручку и открыл дверь. Окна были не зашторены, и солнечные лучи падали прямо на двоих. Продолжая улыбаться, смотрел на обнаженную спереди девушку, скачущую верхом на незнакомом мне мужике, у которого был виден лысоватый затылок. Она подняла голову и устремила на меня взгляд, в глазах застыло удивление, паника, но это не мешало ей выгнуть спину и громко застонать одновременно со своим партнером.

Цветы выпали из рук и ковром легли возле ног. Все еще не осознавая произошедшее – мозг отказывался воспринимать увиденную картину – я торопливо поспешил покинуть квартиру, захватив свой рюкзак. Выйдя из подъезда, потерянно оглянулся по сторонам, прошел несколько метров, не понимая, куда иду, что мне делать, о чем думать. Я находился в каком-то вакууме, во мне была только пустота. Никаких четких мыслей, никаких вопросов. Наконец в каком-то дворе сел на скамейку, достал сигареты. Руки тряслись, не с первого раза удалось прикурить. Только ощутил, как дым проник в легкие, давая возможность глубоко вздохнуть, медленно выдохнуть сквозь зубы, сразу же навалилась безудержная злоба. Сдерживал себя, сжимая-разжимая кулаки. Сейчас ко мне было опасно подходить.

В кармане зазвонил телефон. На дисплее высветилось имя Бориса. Сделав глубокий вздох, заставляя себя успокоиться, чтобы голос звучал ровно, поднял трубку:

– Привет, ранняя пташка! Неужели по мне так соскучился, что никак не дождешься встречи!

– Привет. Ты все еще в Питере? – голос Бориса был сухой, напряженный.

Вот не зря же были у меня предрассудки по поводу поздних и ранних звонков, особенно когда внутри все замерло от дурного предчувствия. Перестав улыбаться, серьезно спросил:

– Что случилось?

– Так ты где? – мне показалось, что друг даже хлюпнул носом.

А это было выше моего понимания. Борис плакал только когда разбивал коленки, а это было так давно.

– В Москве. Только приехал.

– Дим... Если она умрет, я себе этого не прощу!

– Кто умрет? Ира? Что происходит? – я никак не мог понять смысл разговора.

Борис реально зарыдал в трубку. Я испугался, вскочил на ноги, вслушиваясь напряженно в противоположный конец. Суховатый до эмоций друг редко позволял себе выплескивать чувства.

– Ты где сейчас? – но мне никто не отвечал, только какие-то бессвязные звуки доносились.

Наконец-то он смог назвать адрес. Оказалось, это была больница, где работал Олег. Не теряя минуты, поспешил к метро, направился по адресу, задвинув свои проблемы и разочарования на задний план. Что могло произойти с милой подружкой Бориса, что тот так напуган и

рыдает как кисейная барышня? Пока ехал, всякого разного придумал, любой писатель-фантаст мог бы позавидовать моему воображению.

– Ира?! – удивился, когда мы столкнулись в коридоре больницы.

Девушка подняла на меня красные уставшие синие глаза. Ее лицо было бледным, с тенью усталости. Догадался, что она не спала ночь. В руках держала стакан с водой и кофе.

– Он не адекватен, едва мы сюда приехали. Всю ночь метался из угла в угол. Я не могу его успокоить, уже думаю позвать медсестру, чтобы ему вкололи успокоительное.

Вместе направились в холл, я не задавал вопросов, как они тут оказались. Борис сидел на стуле, спрятав лицо в ладонях. Я опустился перед ним на корточки. Он поднял на меня глаза, прищурил их близоруко. Вид у него был краше в гроб кладут. Искусанные губы нервно подергивались.

– Что случилось? – спокойно спросил. – Любимая футбольная команда проиграла? Или ведущий игрок получил травму? Что ты рыдаешь тут, как девица! – его губы дрогнули от моих слов в подобие улыбки. – С тобой невозможно разговаривать по телефону. Напугал до смерти. Пока ехал, такую историю придумал. Я переживал, что с Ирой случилась беда, а она здорова и жива!

– Дим... – он сжал мое плечо, облизнув губы. Лицо окаменело, исчезли всякие чувства. – Это Наташа.

– Я не понимаю, – недоуменно перевел взгляд на Иру, она опустила глаза.

Что-то здесь происходит, главное, все в курсе, а я в неведении. А еще было стойкое ощущение, что скрывали, утаивали.

– Она сейчас в операционной.

– Аппендицит? – предположил я. – Так от еще никто не умирал.

– Нет... Он ее избил.

В голове зашумело. «Он ее избил» – каждое слово, как удар хлыста, свистело внутри. Я сжал зубы, продолжая сидеть перед Борисом. Вспомнил ее синяки на руках, ее манеру последнее время одеваться с закрытыми рукавами и высоким горлом. Видел, спрашивал, но никогда не лез дальше полученных ответов. Слепец! Борис, видно, хотел что-то еще сказать или рассказать нечто большее, чем эту короткую фразу.

– Это не в первый раз? – в горле запершило.

Стало противно от самого себя, что не сумел любимую подружку защитить! Какой я после этого друг? Одно название.

– Нет. Он ее бил с первого дня после свадьбы.

– И ты знал? Ты знал?! – прошипел я, удерживая взгляд Бориса, мне очень хотелось схватить его за грудки и хорошенько потрясти.

Он сглотнул, виновато отводя глаза в сторону.

– Она первый раз пришла по осени. Сильно побитая, босиком, в легком платье, насквозь промокшая. Я тогда вызвал Олега, ибо она отказывалась идти в больницу, с ее побоями сразу бы вызвали ментов. Мы ее просили добровольно написать заявление на него, но она ни в какую. Люблю и точка. Единственное, попросила ничего не рассказывать тебе. Ну, ты ж понимаешь, она боялась, в гневе ты его убьешь или покалечишь. Переживала, чтобы ты не сломал себе жизнь из-за эмоций. Вспомни свой день рождения. Ты не скрывал перспективы его дальнейшей жизни. Я же не просто так спросил, что будет с ним, если ты узнаешь обо всем...

– Господи, я же видел эти синяки, я же мог заподозрить, но послушно верил в ее сказки. Какой же дурак! – вскочил на ноги и заметался из стороны в сторону, проклиная себя за слепоту, за доверчивость, за то, что больше уделял внимания своей жизни. – Он мне с самого начала не нравился! Я его урою! Сукин сын!

– Дима, успокойся! – Борис схватил за руку и насильно усадил рядом.

Пару раз пытался встать, но он крепко держал меня за запястье. Но удержало меня не это.

– Ты ей здесь нужнее, – сказал Борис, и я подчинился.

Мы сидели в ожидании новостей. Сердце заходило от страха. Как только из коридора, куда вход посторонним воспрещен, кто-то выходил, чуть ли одновременно вздрагивали. Когда появился Олег, нервы были вымотаны окончательно, казалось, что больше нет сил на что-то реагировать. Он выглядел уставшим.

– Есть сигаретка? – брат посмотрел на меня вопросительно. Я пытался рассмотреть в его глазах приговор, но он хорошо собой владел.

– Ты ж не куришь, – заметил я, но достал сигареты и протянул ему пачку.

Он кивнул на выход. Борис последовал за нами, Ира предпочла остаться на месте, не мешая мужскому разговору. В курилке я и Олег закурили, Борис просто стоял рядом.

– Когда ты приехал? – Олег затыкнул ладонью щеку.

Сейчас он намного старше своих лет выглядел, щетина накидывала лет пять сверху, тени под глазами придавали изможденный вид. Снял операционную шапочку, стал крутить ее, то расправляя, то сминая.

– Сегодня.

– Ты должен был завтра приехать.

– Так получилось. Ты что-нибудь скажешь? Или, может, о погоде поговорим? – раздраженно бросил, нетерпеливо переступая с ноги на ногу. Еще пару минут неизвестности, и я просто лопну от переполнявших эмоций.

– А что погода? – Олег посмотрел на небо, проследил за проплывающими облаками. – Наверное, будет жарко. Как-никак, лето на носу.

– Олег! – мне хотелось его придушить за то, что ничего не говорит о состоянии Наташи, за то, что болтает о какой-то чепухе, когда есть тема и посерьезнее.

Он выбросил сигарету, начал рассматривать свои руки. Я начал пугаться, не подавая вида. Это была привычка отца, когда тому нужно было сообщить плохие новости родственникам, он некоторое время рассматривал свои руки, словно собираясь мыслями.

– Состояние крайне тяжелое, – осторожно начал брат, подбирая каждое слово, поднося к лицу пальцы. Нехорошее предчувствие засосало под ложечкой. – Мы провели операцию. Была кровопотеря.

– Ты что-то недоговариваешь, хватит тянуть кота за яйца! – подозрительно прищурился, мне надоело ждать новостей.

Олег поднял глаза и не мигая произнес:

– Она была беременной. Срок около десяти недель. Он в основном бил ее по животу. Мы сделали все, что смогли, но у меня нет уверенности, что она когда-либо родит.

Я отвернулся, поднес ладонь ко рту и впился зубами в кожу, не видя ничего перед собой. Как же так? Если бы я знал все с самого начала, этого дня, этих слов никогда бы не было. Она бы немножко поплакала, но потом бы мы посмеялись.

– Дима! – на плечи легли ладони Бориса, я вздрогнул, ибо не слышал ни его шагов, ни слов. Мною овладела жажда возмездия. – Все будет хорошо.

– Да, все будет хорошо, – процедил сквозь зубы, сбрасывая руки.

Почему должен все оставлять как есть? Я вспомнил лицо Лены, искаженное страстью сегодня утром, в ушах звенел голос брата с его приговором. Невыплеснутая злость требовала выхода.

– Дима, ты куда? – в спину спросил Борис, когда, не обращая ни на кого внимания, я бегом спустился с крыльца. – Дима, не наломай дров! – выкрикнул друг.

– Мне надо побыть одному! – еле слышно сказал, идя вперед, полный желания «поговорить» с Виталиком.

Казалось бы, дорога до дома, где жила парочка, неблизкая, эмоции должны были улечься, но к тому времени, когда пришел к двери знакомой квартиры, двум смертям не бывать, а одной не миновать, вспомнилась пословица.

Дверь в квартиру была приоткрыта. Не стучась, не оповещая о своем приходе, вошел. Везде был бардак: валялись вещи, одежда, осколки посуды, кое-где перевернутая мебель типа стула. Товарища нашел на кухне, сидящего перед рюмкой со стеклянным взглядом. Рядом стояла тарелка с огурцами и салом.

Прислонился спиной к дверному косяку, пряча руки в карманы брюк.

– О, братец пришел! – Виталик пьяно улыбнулся, фокусируя на мне взгляд. – Женку мою не видел? Убежала ночью. Но ничего, приползет, еще пиздюлей отхvatит! Ты знаешь, что она вчера учудила? Сказала, что залетела! З-а-л-е-т-е-л-а! – язык его периодами заплетался. Я с улыбкой Мефистофеля смотрел на это жалкое создание. – А от меня невозможно залететь! У меня мало активных спермиков. Не могу иметь детей. Значит, эта шваль с кем-то снюхалась! Раздвинула перед каким-то чмырем свои ножки! Шлюха! – выплюнув последнее слово, хотел схватиться за рюмку, но последнее слово подействовало на меня, как красная тряпка на быка, я резко обхватил его голову руками и ударил об стол. Виталик взвыл, поднял голову, руки метнулись к сломленному носу, из которого текла кровь.

– Ты ахуел, что ли? Жить надоело? – заверещал как поросенок, но протрезвевший взгляд наполнился диким ужасом.

Схватил его за грудки, прислонил к стене и с большим удовольствием врезал кулаком в лицо. Он схватил двумя руками мое запястье, пытался как-то увернуться от ударов. Когда на лице не осталось ничего здорового, выпустил из рук. Виталик тряпичной куклой рухнул к ногам. Я с ожесточением ударил его пару раз по животу, попинал по всему телу как футбольный мячик, не видя ничего перед собой. Он лишь поскуливал, слабо сопротивляясь ударам, чем бесил еще больше.

– Дима! – меня схватили за руки и оттащили от лежачего Виталика.

Я тяжело дышал, наблюдая, как над ним склонился внезапно появившийся Олег. Он ошупал того, помог Виталику сесть, осторожно прикоснулся к носу. Тот вскрикнул, но быстро сжал зубы. Глаза его заплыли, лицо наливалось фиолетовым оттенком, испуганно обводил каждого взглядом. Борис дышал мне в затылок.

– Сломан нос, пара гематом, но жить будешь, – вынес вердикт, брат встал, направился к раковине, помыл руки. – Ты дурак? Тебе сейчас статьи не хватало! – он повернулся ко мне, смотрел сердито, даже зло. – Думай своей башкой, прежде чем делать дела!

– Убери руки! – приказал Борису.

Тот неуверенно отпустил меня. Едва я склонился к Виталику, почувствовал, как сзади все напряглись, напряжение можно было пощупать руками.

– Будут спрашивать, что случилось, какой ответ придумаешь? – обманчиво ласково спросил, скалясь. Виталик хмуро на меня смотрел, молчал. – Упал, ударился, что угодно. А напишешь заяву, я тебя в порошок сотру и пушу по ветру. И мне жизни своей не будет жалко. Я за близких убить готов. Ты понял меня? – он неуверенно кивнул, внимательно прислушиваясь к моим словам. – Чтобы возле Наташи не видел! И не слышал! А если тронешь ее еще раз, вряд ли сможешь сам сидеть. Усек?

– Она меня любит, – прохрипел Виталик. Я иронично приподнял бровь.

– Разлюбит, под моим чутким руководством! Забудь ее! – встал на ноги, бросил уничтожающий взгляд на мужа Наташи, без пяти минут бывшего.

Не оглядываясь ни на кого, покинул квартиру. Надо заслать Бориса, чтобы собрал ее вещи, нам с Виталиком лучше не сталкиваться на одной дорожке, особенно темной ночью.

– Ты совсем не думаешь головой, не думаешь, какие последствия могут повлечь твои поступки, – Олег сердился, мы подошли к его машине. – Тебе только и светиться перед Амери-

кой! Что если он напишет на тебя заяву? Дима, да тебя упекут за решетку, едва только взглянув на его лицо, без суда и следствия!

– Хватит причитать, как бабка на базаре! – осадил брата, вызвав этим настороженные взгляды в свою сторону. – Поехали домой, я чертовски хочу спать!

– Тебя разве не к Лене? – брат вопросительно смотрел на меня, Борис все это время молчал, только хмурил брови. Губы презрительно скривились.

– Нет, я домой, в свою койку, к родной подушке, которая всегда мне верна, – усмехнулся, открывая дверь автомобиля. Олег с Борисом переглянулись, но задавать вопросов не стали, на душевные разговоры не разводили.

Перед американским посольством было довольно многолюдно. Сжимая в руках документы, чувствовал легкое волнение. В связи с последними событиями в своей жизни, испытывал двоякое чувство по поводу возможного отъезда. Мне хотелось сбежать и остаться. Но все же больше всего хотелось уехать, погрузиться в работу с головой, вытеснив из нее все мысли о несостоявшейся личной жизни. Никто не задавал и вопроса, когда поняли, что Лена исчезла из моей жизни, а я старательно обходил стороной любые разговоры, которые были мне неприятны. Еще не хотелось расстраивать людей, которые суежились, хлопотали ради того, чтобы я уехал. Это действительно шанс в жизни, уехать в Америку. Не просто в туристическую поездку, а с правом на работу, с последующей возможностью стать гражданином этой страны. И предательские мысли все чаще и чаще лезли в голову, рисуя перспективы в качестве американца.

Из здания выходили люди с разными эмоциями на лице, одни победно улыбались, другие разочарованно вздыхали. Я не знал, какой финал ждет меня. Подошла моя очередь. Сдав телефон и ключи, получил талончик. Мне попалась женщина консул. Безликая. Бесполоая. У нее были холодные серые глаза, бледное лицо с высокими скулами. Она взяла мои документы и бесстрастно их разглядывала.

– С какой целью едете в страну?

– С профессиональной. Повышать свой уровень знаний.

– Вы архитектор?

– А по документам не видно?

На меня бросили прищуренный взгляд. Я прикусил язык. Ехидству тут не место, тем более американцы не понимают наш юмор.

– Это ваша первая поездка за рубеж?

– Да.

– Женаты?

– А вы не желаете стать моей женой? – весело посмотрел на представителя власти.

Консул приподняла светлые брови. Довольно долго мы смотрели друг другу в глаза. Мысленно я уже попрощался с визой за свое нахальство.

– Я замужем, – сухо она ответила.

– Вашему мужу сказочно повезло! – посочувствовал мужику. С такой холодной женщиной и под одеялами будет холодно. Она мне напоминала чем-то мороженую рыбу. Интересно, рыба умеет улыбаться?

– Чем вы планируете заниматься?

– Работать. Работать. И еще раз работать.

– Вы планируете вернуться в Россию?

– Может, вы сразу откажете в визе, и не будет задавать вопросы? Сэкономите и мне, и себе время, я в пушкинской печали зайду в Макдональдс и съем сочный чизбург, залью грусть парой литрами кока-колы. И буду дальше мечтать о женщине в короне с факелом в руке, – шире улыбнулся в надежде, что выгляжу как голливудская звезда, хотя на самом деле был раздражен глупыми вопросами.

Мороженая рыба улыбнулась. Слегка, только уголки губ приподнялись. Я не поверил своим глазам. Вздрогнул от звука печати, она протянула паспорт.

– Документы вам принесет курьер.

– О-о-о, – ошалевши, протянул, вставая. – Спасибо! – смущенно пробормотал, не осознавал, что сейчас произошло и как изменилась моя жизнь за пару минут.

– Всего доброго! – теперь ее губы действительно растянулись в подобие улыбки.

Я кивнул и, чуть ли танцуя, покинул посольство. Сразу же направился в больницу, надо с подружкой поделиться хорошей новостью, а то совсем нос повесила, так хоть порадует за меня. По дороге купил конфет, цветов, сока.

Наташа лежала возле окна одна в трехместной палате, на мой приход повернула голову и слабо улыбнулась. Глаза были грустные, тоскливые, выворачивали мне всю душу наизнанку. Олег рассказал ей о перспективах в плане материнства, это был его врачебный долг, хотя я был против этой жестокой правды.

– Привет! – входя в палату, жизнерадостно направился к койке, где лежала девушка. – Я купил твои любимые конфеты, – поставил цветы в вазу, конфеты и сок из пакета переместились на тумбочку. Взял стул и сел, продолжая улыбаться, хотя скулы уже болели. – Прикинь, оказывается, мороженые рыбы умеют улыбаться.

– В смысле? – тихо спросила Наташа.

Я взял ее худую руку, приложил к щеке. Холодная, белая, как ледышка. На улице жара, а подругу хочется одеть в шубу, дабы хоть немного порозовела ее кожа.

– Я был сегодня в посольстве. А рыба – это консул. Я таких бесстрастных женщин никогда не видел. Сидит вся такая серьезная, смотрит с прищуром, сканирует взглядом. Господи, если бы ты слышала, какую ахинею нес! И знаешь, она улыбнулась.

– Тебе одобрили визу? – ореховые глаза впервые радостно засияли. – Я знала, что у тебя все получится!!!

– Конечно, ведь это я! – выпятил вперед грудь, распрямив плечи, довольно улыбаясь, что хоть как-то заставил ожить Наташу.

– Дим! – она облизнула губы, словно почуяв мое благодушие, зашептала. – Съезди к Виталику. Он уже неделю не приходит, на звонки не отвечает. Вдруг с ним что-то случилось?

Хорошее настроение сразу улетучилось. Я встал со стула и подошел к окну, рассматривая треснутое стекло. О том, что я приходил к нему, никто ей не сказал, как и о том, что избил. Менты с заявлением не являлись, было понятно, Виталик сделал все, как и велел. В том числе и забыть Наташу. Борис сам съездил к ним на квартиру и забрал ее вещи.

– Дим! – голос уже звучал более агрессивнее, настойчивее. Что ж злость – это тоже хорошо, чем равнодушие к окружающему миру. – Что ты с ним сделал?

– Ничего! – спокойно ответил, провел пальцем по стеклу.

– Посмотри на меня! – громким шепотом она попросила. Я не спешил оборачиваться, мне еще нужно было время, чтобы совладать лицом. От воспоминаний, когда я впервые увидел подругу на койке после операции, очень пожалел, что не свернул этому уроду шею. – Повернись ко мне! – закричала Наташа. Я обернулся, жестко глядя ей в глаза, нисколько не сожалея о том, что сделал. И Наташа это поняла. По щекам скатились слезы, губы задрожали. – Зачем? Зачем ты лезешь туда, куда не просят!

– Ты себя в зеркало видела? – сделал пару шагов к кровати, взявшись за спинку, сжал, костяшки побелели. Зло смотрел на подругу. – Даже после всего, что он сделал, ты продолжаешь его любить? Ты в своем уме!!!

– Ты не понимаешь...

– И не собираюсь! Узнаю, что он был тут, не пожалею, вернусь и придушу собственными руками. А если ты сама к нему вернешься, за волосы потащу из дому и сам изобью, пока эта дурь про любовь не вылетит из головы! – зловеще процедил. В ее глазах замер испуг. –

Запомни, я любого прикончу, если хоть кто-то тронет тебя пальцем. Даже океан не помешает мне вернуться. Поняла? – увидев утвердительный кивок, некоторое время смотрел на Наташу немигающим взглядом, затем улыбнулся, пытаюсь разрядить обстановку, успокоить себя. Подойдя к ней, чмокнул в лоб, ласково погладил по щеке. – Отдыхай. Вечером зайдут Борька с Ирой.

– Дим! – на выходе она меня позвала, повернулся в ожидании. Ореховые глаза были заплаканные, но смотрели уже миролюбиво, ласково. – Я люблю тебя!

– Я знаю, – усмехнулся, подмигнул ей, заставив улыбнуться. – У нас это взаимно.

Возвращаясь вечером с работы, заметил возле своего подъезда женскую фигуру. Замедлил шаг. На лавочке сидели местные кумушки, молчаливо ее рассматривая. Как-то не хотелось становиться героем местных сплетен. Поэтому подошел, цепляя самую обаятельную улыбку из арсенала.

– Доброго вечера! – поздоровался с пожилыми соседями.

Бабули заулыбались, довольно покивали головами, все еще подозрительно косясь на девушку. Пряча свою брезгливость, свое презрение, улыбнулся ей. А она неуверенно улыбнулась мне.

– Мы можем поговорить? – она бросила выразительный взгляд на соседей, которые навестили уши.

Домой приглашать не хотелось, я взял ее под локоть, повел к детской площадке, где никого не было.

– Чего тебе? – спросил, отпуская ее. Лена поправила сумку на плече, неуверенно смотрела мне в глаза.

– Ты так неожиданно ушел. А потом не отвечал на мои звонки.

– А зачем отвечать? Я все прекрасно понял без слов. Не тупой.

– Ты все неправильно понял! – она протянула руки, хотела прикоснуться к груди, но я сделал шаг назад. Не хотел, чтобы она прикасалась ко мне. Ее карие глаза потемнели от боли. Боли? Странно было видеть это в ней после случившегося.

– Лена, что я мог ТАМ неправильно понять? – иронично приподнял брови, изгибая губы в подобие улыбки. – Да ты даже не скрывала, что получаешь кайф от этого! Сколько их у тебя? Какой я по счету? – тихим шепотом бросал ей в лицо вопросы.

Она вздрагивала. Ей видно было бы легче, если орал, топал ногами, а не шипел, как змея, угрожающе раздуваясь, в любую минуту готовый смертельно укусить. Именно так себя ощущал.

– А может, ты с каждого искала выгоду? Из всех оказался самым перспективным? Просто не особо понимаю мотивы твоего поступка. Увы, в Америку лечу я. Один. Без тебя. Как говорится, гуд бай бэби! – стал уходить от нее в сторону дома, не дожидаясь ответных реплик.

Слушать какие-то объяснения, оправдания не было смысла. Точка была поставлена в то утро, когда увидел ее в постели с другим мужчиной. Предателей я не прощал, вычеркивал из своей жизни и больше не впускал, никогда не давал второго шанса оправдать доверие.

– Тебе вещи привезти? – крикнула Лена в спину, стоя на месте.

– Можешь себе оставить как сувенир, на память обо мне, – ухмыляясь, ответил, обернувшись, посылая ей воздушный поцелуй.

Она смотрела на меня долгим взглядом, я с трудом отвел от нее глаза, поспешил к подъезду. Дома никого не оказалось. Прислонился спиной к входной двери, сжал зубы. Внутренняя борьба между разумом и сердцем длилась не первый день. Аргументированные доводы, что человек, обманув один раз, обманет и второй раз, плохо воспринималось душой. Где-то внутри болело, рвало на части. Не раз просыпался в ночи, тупо смотря в потолок, перебирая воспоминания, как старые фотографии. Я ни с кем не разговаривал о расставании, мама попы-

талась пару раз мельком спросить, что случилось, я делал вид, что не слышал этих вопросов. Даже Борису не стал выговариваться, сухо обронил, что тема личной жизни закрыта. Теперь только работа. Желательно все двадцать четыре часа. Мне еще много времени потребуется, чтобы забыть смеющийся карий взгляд, манящие губы, упругость тела. Позже сотрутся даты, забудется имя, какие-то важные детали, только останется маленький рубец на сердце от предательства, как маленькая медалька за мужество пережитого.

Терпеть не могу проводы. Я не любил долгих прощаний. Меня напрягало ощущение какой-то грусти к оставленным местам, особенно бесило, если знал, что вернешься через некоторое время. Сейчас, глядя в родные, дорогие сердцу лица, действительно грустил. Я улетаю в Америку, в Нью-Йорк, город, который станет для меня стартом новой жизни. Не сомневался, что все у меня получится, иначе не видел бы смысла данной поездки. Я осознал реальность происходящего окончательно, когда курьер принес документы. Когда позвонил Никита Викторович и проинструктировал о дальнейших действиях, когда Петр Иванович, пожимая руку на прощание, пожелал показать себя во всей красе и не тушеваться перед трудностями. О том, что будет нелегко, тоже понимал. Сколько мне потребуется времени, чтобы себя зарекомендовать, трудно было предсказать, все зависело, как пройдет мой старт.

– Ты там не забывай кушать! – мама заглядывала в глаза, улыбалась, но видел, как дрожали ее губы. Она пыталась храбриться, показать, что рада, смеялась, только ее рука все никак не хотела покидать мою ладонь, боялась отпускать.

– Мам, хватит так переживать! Я же не на войну еду! – обнял ее за плечи, чмокнув в щечку. Прижимая к себе, почувствовал, как она уткнулась в плечо и тяжело вздохнула, смиряясь с происходящим. – Я обязательно вернусь. Через год будешь меня вновь обнимать, хочу, чтобы ты мною гордилась!

– Я и так тобой горжусь! – зеленые глаза ласково смотрели, немного грустили. – Ты у меня самый лучший.

– Я люблю тебя, – голос предательски дрогнул, часто заморгал, чувствуя, как увлажнились глаза.

Чмокнув ее в щечку, разжал объятия и повернулся к отцу. С ним мы не были так близки, как с матерью, всегда было какое-то внутреннее расстояние, он всего себя отдавал Олегу. Раньше это задевало, но повзрослев, понял, что каждый растворился в одном из сыновей: мама во мне, он в старшем брате. Мы смотрели друг другу в глаза, именно сейчас мне захотелось, чтобы он сделал один шаг ближе, чем всегда. Отец протянул руку, я пожал ее, разочарованно улыбаясь, было трудно сдерживать свои чувства, затем он неожиданно заключил меня в объятия. Я задержал дыхание, боясь нарушить момент, медленно стал выдыхать. Было приятно. Он смущенно меня отпустил, тихо произнес, держа ладонь в рукопожатии:

– Ты береги себя! Помни, что у тебя есть семья, которая любит тебя любого. Ты знаешь, что двери дома всегда открыты. Может быть, я не так часто тебе говорил о своих чувствах, но ты молодец, мой мальчик! Всегда ставь себе высокие цели и добивайся их... И еще... не забывай звонить, ты понимаешь, кто будет больше всех ждать твоих звонков...

– Папа, ты забываешь про разницу во времени, но по возможности буду набирать! Хотя, наверное, логичнее будет звонить тебе или Олегу в ночные смены! – хлопнул отца по плечу, улыбнулся, повернулся к брату. Он стоял с Аленой, держа на руках Сергея. Сначала обнял Алену, она хлопнула носом, утыкаясь мне в шею.

– Ну, чего ты тут сырость разводишь? Я, конечно, понимаю, что в стране стоит чрезвычайное положение и все ждут дождя, как манну небесную, но давай роль оросителя оставим природным условиям, а не твоим глазам! – вытер под глазами влажные дорожки, чмокнул в нос, Алена от моих слов засмеялась.

Взяв племянника на руки, прижал его к груди, он обнял меня за шею. Когда я вернусь, он, вряд ли вспомнит меня, буду чужим дядькой. Поцеловал его в пухлые щеки, отдал Алене. Что ж, какой-то год пропущу из жизни этого парня.

– Я не знаю, что сказать, – Олег слегка кулаком ударил по плечу, поджимая губы. Я тихо рассмеялся, с интересом ждал продолжения, он, как и отец, предпочитал эмоции держать при себе. – Ты как-то быстро вырос и стал большим мальчиком.

– Олег, ты забываешь, что мне далеко не восемнадцать, а говоришь, как будто старше лет на десять минимум!

– Я до сих помню, как тебя принесли из роддома, ты вечно орал! Просил маму сдать тебя обратно, ибо не давал спать! А еще ты предпочитал сидеть у нее на руках, а не самостоятельно играть в игрушки, – в голосе на секунду послышалась детская ревность.

– Боже, Олег, тебе не стыдно припоминать младенческие слабости?! – поймал его руку, притянул к себе. Он как-то подозрительно затих, замер на мгновение. – Береги родителей, свою семью! – прошептал ему на ухо, смотря на отца с матерью, Алenu с Сережей. – И никогда не скрывай от меня правду, что бы ни случилось! – это уже ему припомнил случай с Наташей, когда он был в курсе, а я нет.

Олег вздохнул, отстранился. Долго рассматривал мое лицо, словно пытался запомнить до мельчайших подробностей.

– Ты тоже води себя хорошо! И девок там не совращай! – он сглотнул, приподнял уголки губ в подобии улыбки.

– Это я совращаю?! Да я беленький и пушистенький! Это меня надо беречь от местных девочек! – рассмеялся, похлопал брата по плечу. Олег покачал головой, видно, был другого мнения. Повернулся. В сторонке стоял Борис с Ирой, Наташа. Мои лучшие друзья. – Ну! Первый мой указ таков, – тыкнув пальцем в Бориса и Иру, – свадьбу без меня не играть, я вам сэкономлю деньги, выступлю в качестве тамады!

– Упаси Господи! – простонал Борис, театрально прикрывая глаза. Ира хихикнула, ткнув того локтем в бок.

– Что значит «упаси Господи»? Я не понял? Ира, у тебя есть время его вразумить! – возмутился я, давя улыбку. – Ребят, сильно не ругайтесь. Хотя с Борькой невозможно ругаться. Он у нас бесконфликтный человек. Если вам нужно мое благословение, официально его даю! – парочка рассмеялась, кому нужно мое разрешение, спрашивается, но мы рассмеялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.